

ОТНОШЕНИЕ ОБЩЕСТВА К АКЦИЯМ ПРОТЕСТА ШАХТЁРОВ КУЗБАССА ВО ВРЕМЯ ПЕРЕХОДА К РЫНКУ (1992–1999 гг.)

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 11-11-42009а/Т) и администрации Кемеровской области.

Рассматривается отношение к акциям протеста шахтёров Кузбасса в обществе во время перехода к рынку. Показана противоречивость взглядов, форм и методов восприятия различными слоями российского общества борьбы угледобытчиков. Общественный резонанс протестного движения шахтёров усилил обратную связь между бастующими и властью, что укрепило социальную стабильность в Кузбассе.

Ключевые слова: переход к рынку; Кузбасс; шахтёры; протесты; общественное мнение.

Экономические преобразования 1992–1999 гг. не только показали преимущества рыночной модели экономики, но и значительно усилили социальные проблемы населения, определяя рост протестного движения трудящихся. Как и на рубеже 1980–1990-х гг., в последнее десятилетие XX в. шахтёры Кузбасса были в центре общественно-политической жизни страны, являясь организаторами региональных и общероссийских выступлений за социально-экономические права трудящихся. Вместе с тем рабочие угольных предприятий Кузнецкого края в 1990-е гг. уже не обладали безоговорочной поддержкой общества, как это было в конце советской эпохи. Анализ отношения к акциям протеста кузбасских шахтёров позволяет понять особенности их борьбы во время перехода к рынку, причины её угасания. Начиная с первых массовых забастовок 1989 г. рабочие шахт и разрезов всегда чувствовали широкую поддержку со стороны трудящихся. Во время перехода к рыночным отношениям народная солидарность не была столь массовой, какой она являлась в конце советской эпохи. Ситуация стала меняться в 1990–1991 гг., когда забастовочная волна встречала неоднозначную оценку даже среди рабочих. В первую очередь это было связано с явным ухудшением экономического положения зависимых от угольной отрасли предприятий.

Рыночные отношения изменили общественное сознание, усилили противоречивость взглядов граждан на социально-политические процессы, в том числе на формы и методы протестов. Ухудшение экономического положения, усиление социальной дифференциации, конкурентная борьба и т.д. вынуждали людей по-новому смотреть на борьбу горняков. В исследуемый период серьёзным деформациям подвергается российский рабочий класс, главная опора шахтёров. Он стал более разрозненным и «конъюнктурным». Понятие «рабочая солидарность» девальвировало, уступило место таким соображениям, как «рыночная конкуренция». Неудивительно, что даже в моменты подъёмов протестного движения угледобытчиков их в большей мере поддерживали работники бюджетных организаций, нежели товарищи по рабочему классу.

В новых условиях борьбы меняется и отношение самих шахтёров к обществу. Они начинают искать «точки массового недовольства», выступать выразителями интересов широких социальных слоёв. Такими «точками» стали, например, октябрьские события

1993 г., первая чеченская военная кампания, финансовый дефолт 1998 г. и др. Действительно, данная позиция часто срабатывала, прибавляя успех и авторитет угледобытчикам. Между тем, решение Кремлём той или иной проблемы автоматически снижало популярность шахтёрских акций протеста. Если в 1992–1998 гг. горнякам довольно-таки легко «удавалось» найти серьёзную проблему в политике государства и стать «знаменем» борьбы трудящихся, то в 1999 г., в условиях укрепления экономической и политической стабильности, это сделать было сложнее.

Пик общественной поддержки шахтёров Кузбасса приходится на 1998 г., когда страна была парализована системным кризисом, а Президент России Б.Н. Ельцин имел низкий рейтинг доверия населения. В обществе сформировалось устойчивое мнение о необходимости «наведения порядка в стране». Динамичное распространение в том году радикальных акций протеста кузбасских горняков, прежде всего в форме «рельсовых войн», а также выдвижение ими политических требований свидетельствует о смелости рабочих угольной отрасли, уверенности в поддержке их борьбы. На широкую общественную поддержку кузбасских шахтёров повлияли многие факторы: разочарование реформами, близость уровня социально-экономического положения, привлекательность лозунгов и т.д. Немаловажной причиной солидарности с горняками стало и их собственное поведение. Они показывали твердую уверенность в правильности своих действий, боролись за дисциплину и порядок в местах проведения акций протеста, заявляли о солидарности с трудящимися других регионов и т.д.

Многие кузбассовцы активно поддерживали «рельсовые войны» в мае 1998 г., когда шахтёры выдвинули лозунги, близкие большинству трудящихся. По данным КузбассЦИОМа, половина жителей Кемеровской области полностью одобрила действия протестующих в то время рабочих [1]. Примечательным является то, что среди широкого круга одобрявших «рельсовые войны» были те, кто непосредственно пострадал от действий пикетчиков. Таким образом, в мае кузбассовцы готовы были терпеть лишения и трудности, надеясь на скорую перемену социально-экономического курса Президента и Правительства РФ.

Общественная поддержка пикетчиков выражалась в разных формах. Наиболее значимой из них можно счи-

тать непосредственное участие трудящихся и пенсионеров в акциях протеста. Горняков поддерживали рабочие, работники здравоохранения и образования. Существенный рост сторонников наблюдался в сложные, критические моменты «рельсового» противостояния, когда имелись угрозы применения силы против шахтёров. Ряды пикетчиков пополняли и радикально настроенные жители соседних регионов. Например, в мае 1998 г. для участия в пикетировании Транссиба в Анжеро-Судженск прибывали рабочие из Томской области [2].

Менее радикальным, но достаточно убедительным средством поддержки акций шахтёров являлось участие кузбассовцев в таких массовых акциях протеста, как забастовки на предприятиях, пикеты административных зданий, демонстрации, митинги и т.д. Отдельные выступления трудящихся, особенно в 1998 г., носили многотысячный характер и имели широкую географию. Рабочие промышленных предприятий, медики, учителя, учёные, работники культуры не только показывали свою солидарность, но и выдвигали собственные требования, отстаивали свои права на своевременную выплату зарплаты. Не последнее место в поддержке действий протестующих шахтёров во время «шоковой терапии» играла материальная помощь, которая в основном оказывалась местными жителями. Среди горожан, поддерживавших угледобытчиков, нередко встречались представители мелкого и среднего бизнеса. Наиболее значимым шагом с их стороны являлось сдерживание прогнозируемого роста цен на продукты питания и товары широкого потребления. Кроме того, предприниматели собирали для горняков деньги, подвозили продукты и т.д. Высокий уровень солидарности предпринимателей объясняется двумя причинами: во-первых, они прекрасно понимали, что деньги, за которые борются шахтёры, — это часть их будущей прибыли; во-вторых, наличие территориальной, социальной и даже родственной близости.

Действия рабочих угольной отрасли поддерживали и крестьяне. Они надеялись на то, что таким образом можно повлиять на политику Президента и Правительства, прежде всего в отношении к погибающему сельскому хозяйству. Поэтому помощь и поддержка участникам шахтёрских акций протеста шла от жителей прилегающих районов. Наибольшую солидарность оказывали селяне Кемеровской области во время «рельсовых войн» 1998 г. Крестьяне привозили пикетчикам молоко, овощи, картофель, мясо и т.д.

Особенно приятна угледобытчикам была помощь из других субъектов РФ. В процессе проведения акций большое содействие им оказывали предприятия соседних регионов, передавая тушёнку, колбасу, мыло и другие товары первой необходимости. Жители соседних регионов отправляли посылки с продуктами питания, спичками, солью, чаем и т.п. В основном товары первой необходимости присылали ветераны войны и труда, которые сами испытывали неимоверную нужду. Самым распространенным способом поддержки горняков было моральное сочувствие их протестным действиям. Моральная поддержка выражалась не только в молчаливом сочувствии, но и в конкретных действиях по поддержанию «боевого» духа шахтёров. Им присы-

лали письма и телеграммы, во многих газетах публиковались слова поддержки «справедливых требований» рабочих и т.д. В моменты массовых акций протеста моральную поддержку оказывали представители местных органов власти, руководители предприятий, общественные организации, отдельные граждане. Особое значение для угледобытчиков имела солидарность с их действиями руководителей городов и правоохранительных органов, что, безусловно, направляло их борьбу в русло противостояния с Кремлём.

Солидарность с требованиями шахтёров выражали жители соседних регионов, хотя порой сами являлись заложниками акций протеста. В сложном экономическом положении во время блокад Транссиба в 1998 г. оказалась Томская область. Несмотря на это, в «Обращении Профактива Томской ГРЭС-2 к бастующим жителям Кузбасса (7 июля 1998 г.)» была выражена «горячая поддержка решительным и мощным акциям протеста шахтёров и всего Трудового Кузбасса против антинародного режима, захватившего власть в России» [3]. Это был один из многочисленных фактов моральной поддержки участников блокады Транссиба со стороны томичей.

Акции протеста шахтёров, особенно радикального характера, вызывали значительный интерес со стороны представителей СМИ. В «горячих точках» Кузбасса работали корреспонденты различных телеканалов, журналов и газет, в том числе зарубежные. Наиболее популярными для журналистов стали «рельсовые войны». В местах блокад они фотографировали, а также снимали на видео жизнь и быт палаточных городков, брали у пикетчиков интервью, интересовались проблемами горожан и т.д. В результате о «рельсовых войнах» в Кузбассе узнал весь мир. Из-за рубежа шахтёрам Кузбасса поступали многочисленные письма частных лиц, в которых высказывались слова восхищения их борьбой за неотъемлемое право на труд [4]. Широкая известность пикетчиков усилила солидарность с ними всех оппозиционных движений в стране, а также инициировала поддержку их действий со стороны шахтёрских, левых и правозащитных организаций за рубежом.

Иностранные журналисты инициировали международную солидарность с горняками Кузбасса и на официальном уровне, что чётко обозначилось в 1994 г. С того времени письма и телеграммы о поддержке акций протеста шахтёров стали приходить из разных стран. Заметнее других выделялись развитые страны, где профсоюзы играют существенную роль в системе социально-трудовых отношений. Особенно значимой для угледобытчиков была поддержка со стороны таких авторитетных организаций, как Международная конфедерация свободных профсоюзов, Международная федерация горняков [5. Л. 4] и др. Международные профессиональные организации не только проявляли моральную солидарность, но и оказывали реальное давление на Правительство РФ с целью защиты трудовых прав горняков России.

Во время перехода к рыночным отношениям борьбу шахтёров России энергично поддерживали представители зарубежных левых сил. Свою солидарность с кузбасскими рабочими они высказывали через Кемеровский

обком КПРФ. Так, например, в 1998 г. протестные действия шахтёров на рельсах Транссибирской магистрали были официально поддержаны в заявлениях коммунистических партий Сирии, Греции и Италии [6. Л. 19].

Международная поддержка была очень важна шахтёрам, так как позволяла «прорвать» информационную блокаду, а где-то и ложь российских СМИ. Солидарность международных профсоюзных организаций явилась пусть не столь эффективным, но всё-таки заметным инструментом борьбы кузбассовцев за свои экономические и социальные права, расширила взаимодействие трудящихся региона с коллегами из других стран. Исследование показало, что фактически не было случаев осуждения протестных действий шахтёров на мировом уровне. Это, безусловно, поднимало их моральный дух.

В целом солидарность с шахтёрами проявлялась в основном на словах, и она не выглядела поддержкой всего народа. Протестующие горняки не сумели показать себя единой, целой и мощной силой, способной поднять на борьбу широкие слои населения.

Акции протеста шахтёров Кузбасса во время перехода к рынку встречали и негативную реакцию в общественной среде. Причин такого отношения было много, но среди них выделяются такие ключевые, как: 1) противоречивые результаты шахтёрского движения в годы перестройки; 2) неуверенность в серьёзных результатах борьбы по причине стихийного характера протестного движения горняков, отсутствия у них сильных лидеров и т.д.; 3) тяжёлые экономические последствия акций протеста в условиях кризиса народного хозяйства; 4) разница в уровне жизни шахтёров и жителей более благополучных субъектов РФ; 5) боязнь возможных социальных катаклизмов; 6) критика протестных выступлений шахтёров в подконтрольных Правительству СМИ. Особенно сильным было общественное недовольство акциями протеста, когда все вышеуказанные причины выражались комплексно. С 1992 г. россияне ощутили не только ухудшение социально-экономического положения, но и стали осознавать такие политические потери, как распад СССР, снижение международного престижа страны и т.д. «Винниками» подобных проблем признавались и шахтёры, которые в 1989 г. развернули широкое забастовочное движение и внесли определённую лепту в системный кризис СССР. В течение 1990-х гг. нарастала критика и самокритика шахтёрского движения «перестроечной» эпохи. В основном это отражалось в местной и региональной печати, а также в распространявшихся горняками листовках.

Пик критики и самокритики забастовочного движения 1989–1991 гг., в ходе которого угледобытчики поддерживали политическую борьбу Б.Н. Ельцина, приходится на кризисный 1998 г. В том году многие трудящиеся и пенсионеры вспоминали политические «заблуждения» шахтёров, их поддержку Ельцина. Особенно принципиальную позицию по отношению к «рельсовым войнам» в июле 1998 г. занимали железнодорожники, которые неоднократно припоминали горнякам «с чего началась демократия» [7]. Подобные обращения, безусловно, деморализовали шахтёров, ослабляли солидарность с ними других трудящихся.

Вместе с критикой и самокритикой забастовочного движения 1989–1991 гг. шахтёры и им сочувствовавшие обращали внимание на существенные отличия в рабочем движении того периода времени и в годы «шоковой терапии». По многим параметрам они были не в пользу нового состояния протестного движения. Борьба угледобытчиков в 1990-е гг. выглядела не столь организованной, масштабной и привлекающей к себе внимание, как это было во времена перестройки. У рабочих не было признанных лидеров, чёткой программы действий, а главное, классовой солидарности. Поэтому многие кузбассовцы, тем более жители других регионов, не верили в значительный успех протестного движения шахтёров в новых политических и экономических условиях развития государства.

Отсутствие уверенности в успехе борьбы шахтёров дополнялось негативными последствиями акций протеста, прежде всего масштабных забастовок и «рельсовых войн». Экономические потери несли не только предприятия угледобывающей промышленности, но и другие субъекты хозяйственной деятельности Кузбасса, а в некоторых случаях – всей страны. Среди шахтёров и других социально-профессиональных групп было немало противников стачечной борьбы. В новых рыночных условиях забастовки и другие более радикальные формы протеста не имели того эффекта, который был во времена плановой экономики. В обществе возобладало настроение поиска собственных путей выхода из кризиса. Наиболее сильным ударом по народному хозяйству Кузбасса и всей России стали «рельсовые войны». Против многодневных блокад железнодорожных магистралей в 1998 г. выступили представители различных социальных и профессиональных групп, в том числе и тех, чьи товарищи стояли на рельсах, – горняки, машиностроители, представители бюджетных организаций. Значительное количество обращений пикетчикам направили железнодорожники, где подчеркивались серьёзные негативные последствия «рельсовых войн» для пассажиров. При этом, если в мае 1998 г. работники железной дороги пытались воздействовать на пикетчиков словами, то в июле они уже конкретными действиями «защищали свою работу... от попыток пикетчиков перекрыть грузовое движение» [8]. В ходе «рельсовых войн» более всего железнодорожников и других рабочих возмущало сохранение трудового ритма на шахтах, в то время как их предприятиям приходилось простаивать. В результате они теряли в заработной плате и других выплатах.

Отсутствие положительной реакции со стороны пикетчиков на непосредственные просьбы и обращения граждан по разблокированию железнодорожных путей способствовало нарастанию мнения о неприемлемости данной формы протеста. Поэтому многие из них обращались за помощью к федеральным и региональным органам власти с просьбой о воздействии на пикетчиков. В то время критика «рельсовых войн» нарастала уже не только из уст отдельных граждан и представителей железной дороги, но и со стороны местных органов власти, администрации Кемеровской области, общественных организаций, а также тех предприятий, которые долгое время «выдерживали паузу». Если в угледобывающих и промышленных районах страны

протестные действия шахтёров Кузбасса в целом встречали понимание, то большинство жителей столицы и других крупных городов относились к этому нейтрально. Даже забастовки, «рельсовые войны» и шахтёрские пикеты у Дома правительства РФ особенно их не интересовали. Москва не зависит от поставок кузбасского угля, находится на значительном расстоянии от региона и т.д. Сложно было рассчитывать на солидарность жителей столицы, имевших заметно более высокий уровень жизни, чем общероссийский. В то же время москвичи сами страдали от таких острых проблем, как, например, терроризм. Поэтому проблемы шахтёров Кузбасса являлись для них весьма далёкими.

Протестное движение шахтёров, несомненно, ослабляло социальную стабильность в обществе. Оно выделялось своей мощью на фоне других дестабилизирующих факторов. В 1997–1998 гг. страна находилась в условиях революционной ситуации. Многие это понимали и в то же время боялись серьёзных социальных потрясений. Особый страх в обществе вызвала такая массовая и радикальная форма борьбы, как всероссийская «рельсовая война» в 1998 г. С первых дней у неё было немало противников как в Кузбассе, так и в стране в целом. По результатам соцопросов, 13% жителей России в том году опасались развязывания гражданской войны [9. С. 83]. По мере безрезультатного противостояния между шахтёрами и федеральной властью численность сторонников железнодорожных блокад снижалась.

Мощным идеологическим ресурсом в борьбе с акциями шахтёров Кузбасса стали средства массовой информации, в первую очередь центральные («Российская газета», «Известия» и др.). Критике в основном подвергались массовые и радикальные формы протеста, которые напрямую затрагивали социально-экономические интересы предприятий и отдельных граждан. По мере роста протестного движения освещение шахтёрских акций со стороны центральных СМИ приобретало всё более нетерпимый характер. Критика забастовочного движения и особенно «рельсовых войн» набирала обороты также на уровне региональных и городских средств массовой информации. Если в мае 1998 г., на фоне участия кузбассовцев во всероссийской акции, отношение к ним в большей мере было сочувственным, то в июле того же года ситуация резко изменилась. С первых дней железнодорожных блокад СМИ умалчивали либо представляли негативные мнения жителей других «горячих точек». Они не освещали развитие протеста, но сообщали о возникших экономических потерях и ущербе от данных акций.

Со страниц газет и экранов телевизоров к участникам акции часто обращались представители трудовых

коллективов с предложением прекращения блокирования железных дорог и необходимости «перехода к более эффективным акциям протеста», отмечались возможные скорые тяжёлые последствия для производства. С предложениями о пересмотре формы протеста в основном выступали инженерно-технические работники и руководители подразделений предприятий. Все они считали действия пикетчиков малопродуктивными и наносящими вред прежде всего собственному предприятию. Поэтому даже те из ведущих специалистов, кто был солидарен с действиями по блокаде Транссиба, не покидали рабочего места, понимая свою первоочередную ответственность перед заказчиками. С августа 1998 г. средства массовой информации фактически только критиковали «рельсовую войну» как форму выражения протеста. В обществе утвердилось мнение о необходимости законных методов решения социально-экономических проблем. В конце 1998 – начале 1999 г. наблюдается заметное снижение внимания СМИ (в том числе региональных и местных) к акциям протеста шахтёров Кузбасса, несмотря на то что некоторые из них являлись вполне резонансными. На фоне позитивных сдвигов в экономике средства массовой информации старались поддерживать социальную стабильность в крае.

На отрицательное отношение к «рельсовым войнам» и забастовкам повлияли меры, предпринятые органами исполнительной власти всех уровней, а также субъектами хозяйственной деятельности страны по выходу из кризиса. Уровень общественного доверия к политике Кремля стал возрастать осенью 1998 г., с момента первых мер поддержки угольной промышленности «розовым» правительством Е.М. Примакова. Большинство кузбассовцев вновь пошли на компромисс с властью, посчитав «новой» социально-экономическую политику вполне убедительной и достаточной мерой со стороны Президента Б.Н. Ельцина, которая исключала радикальную общественно-политическую борьбу. В целом жители не только Кемеровской области, но и всей России поддерживали угледобытчиков, когда они использовали «мирные» формы протеста. Отдельные пикеты, митинги и забастовки в целом не несли какого-либо разрушительного заряда другим слоям населения. Но как только регион и страну начинали сотрясать массовые и радикальные формы протеста рабочих угольной отрасли, имевшие продолжительный характер, общественное мнение сразу же менялось не в их пользу. Главным результатом широкого общественного резонанса протестного движения шахтёров стало усиление обратной связи между угледобытчиками и властью, что укрепило социальную стабильность в Кузбассе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Морозова Е. Отношение кузбассовцев к «железнодорожному бунту» // Кузнецкий край. 1998. 2 июня.
2. Томская неделя (Томск). 1998. 28 мая.
3. Обращение Профактива Томской ГРЭС-2 к бастующим жителям Кузбасса (г. Томск, 7 июля 1998 г.) // Личный архив П.П. Холопова.
4. Текущий архив муниципального учреждения культуры «Городской краеведческий музей» г. Анжеро-Судженска.
5. Архивный отдел администрации г. Прокопьевска. Ф. 31. Оп. 1. Д. 345.
6. Государственный архив Кемеровской области. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 77.
7. Не берите грех на душу, дорогие товарищи // Кузбасс. 1998. 21 мая.
8. Фомичева Т. «Рельсовая война»: конец или передышка? // Кузбасс. 1998. 28 июля.
9. Серебрянников В.В. Системный кризис и предотвращение насилия // Власть. 1998. № 10–11.